

ее беспокоилъ свѣтъ фонаря, потомъ стало страшно въ темнотѣ. Ставни были заперты, но поднялся вѣтеръ, вѣтки деревь стучали по стѣнѣ, и казалось, будто кто-то собирается влѣзть въ окно. Молодая женщина закуталась въ одѣяло съ головой. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ. На новомъ мѣстѣ, должно быть, плохо спится. Она стала думать о томъ, что дома, въ ея маленькой дѣвичьей спальнѣ, было уютнѣе, а тутъ одиноко, и сердце бьется, спираетъ дыханіе. Кто это ходитъ по дому? Ей чудятся шаги... Господи! неужели сумасшедшій братъ Ѳедора Игнатьича по ночамъ кричалъ: „Мери! Мери!“? Вотъ ужасъ! Еслибы она услышала — умерла бы на мѣстѣ. Однако же что это за шаги? Вотъ одинъ шагъ, два, три, десять шаговъ... двадцать шаговъ... Бывають ли привидѣнія? Ужъ если говорить о привидѣніяхъ, то, значить, что-то есть. И не даромъ же такъ страшно. Шаги становились слышнѣе... Привидѣніе ходитъ, сейчасъ войдетъ въ спальню, сейчасъ закричитъ: „Мери!“ Раиса вскочила и стала кулаками стучать въ стѣнку къ мужу.

— Спер Ѳеда!

Гранковскій со свѣчей торопливо вошелъ. Онъ не раздѣвался и все время читалъ, хотя ничего не понялъ изъ прочитаннаго. Встревоженное лицо его улыбалось. Увидавъ мужа, Раиса заби- лась въ уголь постели и закуталась въ одѣяло до подбородка.

— Кто-то ходитъ, — жалобно сказала она.

— Дитя мое, это я ходилъ.. Развѣ такъ слышно?

Она сконфуженно засмѣялась.

— Почему ты не спишь?

— Я не знаю. А ты?

— Я тоже не знаю. Мнѣ страшно. Пойди ко мнѣ, Ѳеда!

Онъ подошелъ. Молодая женщина протянула къ нему руки.

І. Ясинскій.

